

**ПОЧЕМУ РЕКА ОДУШЕВЛЕННЕЕ РАКА:
О НЕСТАНДАРТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ
КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ
В ЛАТЫНИ**

Автор исследует периферийные проявления категории одушевленности в латинском языке, находя параллели в русском и других языках. Периферийными считаются лексемы, у которых отсутствует строгая корреляция между фактической и грамматической одушевленностью либо между одушевленностью и биологическим родом. Исследование проводится с использованием электронной базы PHI-5 и может классифицироваться как корпусное. Полученные данные сведены в 5 таблиц в соответствии с семантикой отобранных существительных. Их анализ показывает, что категория одушевленности является динамической и градуальной, что ее периферия в латыни шире, чем в русском, и что она является результатом конкуренции разных параметров, формирующих язык, а именно грамматики, семантики и логики.

Ключевые слова: нестандартные проявления категории одушевленности, латинский язык, конкуренция языковых параметров.

E. V. ZHELTOVA

St Petersburg State University

**WHY “RIVER”
IS MORE ANIMATE THAN “CANCER”:
EXPLAINING SOME UNUSUAL CASES
OF ANIMACY IN LATIN**

The article deals with some peripheral phenomena concerning category of animacy, i. e. nouns without strict correlation between biological and grammatical animacy. Using the PHI-5 electronic data base, the author analyses different groups of such nouns in Latin, comparing them with relevant groups in Russian and some other languages, the results being presented in 5 tables.

The general conclusions to be drawn from this study are: animacy in Latin is dynamic and gradual category, its periphery is wider than in Russian, some non-standard phenomena can be explained as a result of a competition between different parameters, i. e. grammar, semantics and logics.

Keywords: peripheral phenomena of animacy, Latin language, competition between language parameters.

Одушевленность / неодушевленность по-разному выражается в языках и интерпретируется исследователями далеко не одинаково: эта категория трактуется и как классифицирующая, и как формально-грамматическая, и как семантически наполненная, и как функционально-семантическая, но иногда ей вообще отказывают в статусе категории, а одушевленные / неодушевленные существительные помещают в различные лексико-грамматические разряды (см.: [Виноградов, 1990, с. 342–343])¹. В своем отношении к этой проблеме мы будем исходить из посылки, что одушевленность должна быть признана грамматической категорией в том случае, если она обладает обязательностью выражения в языке. Так, в русском языке одушевленность оказывает влияние на выбор стратегии маркировки аккузатива: у неодушевленных имен аккузатив совпадает с номинативом (в единственном или множественном числе в зависимости от типа склонения), у одушевленных — с генетивом. В латыни и древнегреческом одушевленность тоже является грамматической категорией, поскольку в обоих языках одушевленные существительные приобретают особое, отличное от неодушевленных, падежное оформление в пассивных конструкциях (*Ablativus auctoris* vs. *Ablativus instrumenti* в латыни, конструкция *ὄλο* с генетивом vs. *Dativus instrumenti* в греческом).

Однако наличие категории одушевленности как таковой еще не является гарантией того, что ее *modus operandi* будет одинаковым во всех языках, где она имеется. В этой статье мы сосредоточимся на особенностях проявления категории одушевленности в латинском языке. Нам бы хотелось показать, что распределение су-

¹ См. также обзор мнений в недавно вышедшей монографии: [Русакова, 2013, с. 175 слл].

существительных по принципу «одушевленное — неодушевленное» в латыни является нетривиальным, а в ряде случаев и неожиданным, а также что данная категория в латыни (как, впрочем, и в некоторых других языках) — динамическая и градуальная.

Отсутствие системной фиксации подобных явлений представляет собой заметный пробел в описании грамматической системы латинского языка и влечет определенные трудности: так, когда в процессе работы над совсем другой темой (см.: [Желтова, 2013, с. 300–311]) у нас возникла необходимость в четком представлении об одушевленности / неодушевленности некоторых латинских существительных, оказалось, что сведения эти взять неоткуда, и это послужило для нас стимулом выработать адекватный критерий диагностики латинских слов на наличие у них признака одушевленности / неодушевленности. Мы не нашли иного способа, кроме «тестирования» существительных на возможность их употребления в функции *Ablativus auctoris* (далее — *Abl. auct.*). Методика проверки будет описана ниже.

Вторым побудительным мотивом к исследованию одушевленности в латыни стали наши собственные попытки осмысления так называемых «периферийных»² случаев проявления категории одушевленности в родном языке с целью обнаружить правила в той причудливой игре, в которую описываемая категория постоянно вступает с носителями русского языка. Поэтому, прежде чем перейти к анализу латинского материала, мы позволим себе высказать несколько замечаний относительно релевантных явлений русского и других языков: представляется, что они будут полезны и даже необходимы для изложения основной части исследования.

Итак, наличие большого количества периферийных употреблений свидетельствует о нетривиальности рассматриваемой категории. Нетривиальность же состоит в отсутствии строгой корреляции между фактической одушевленностью / неодушевленностью объектов окружающего мира и грамматической одушевленностью

² Мы будем применять термин «периферийные» к случаям, не вписывающимся в модель «живой, значит одушевленный, неживой, значит неодушевленный». См.: [Русакова, 2013, с. 229].

имен, обозначающих эти объекты. Наивные носители русского языка не всегда замечают, что существительные *мертвец* и *покойник* получают в их языке оформление по одушевленному типу, в то время как *труп* — по неодушевленному, а осознав этот факт, как правило, не могут его объяснить. В назойливой рекламе одного моющего средства — «Убивает все известные микробы» — далеко не всем режет слух окончание *-ы*, обрекающее эти микроорганизмы на «неодушевленность», несмотря на то, что в самой этимологии слова *микроб* заложена «жизнь». Так же, как микробам, не везет в русском языке кальмарам, креветкам, миногам и прочим обитателям подводных глубин, одушевленность которых носители языка нередко подвергают сомнению в процессе речевой деятельности (ср.: «Как Вам приготовить кальмары / кальмаров (?), креветки / креветок (?), миноги / миног (?) — отварить или запечь?»), хотя онтологически все они представляют собой живые объекты и, более того, на вопрос, являются ли они одушевленными, большинство наивных и не наивных носителей языка ответит утвердительно.

В сущности, идея, что категория одушевленности не является формальным выражением признака «живой / неживой», давно перестала быть откровением в лингвистике, и специалисты склонны говорить об «о с м ы с л е н и и объектов как живых или неживых и о выражении соответствующих значений в рамках категории одушевленности / неодушевленности» [Русакова, 2013, с. 219], а также о том, что одушевленность имеет мало общего со свойствами референта, а скорее связана с восприятием и отношением к нему носителей языка [Luraghi, 2011, p. 445].

Получается, что одушевленность существует не в природе, а у нас в голове? Но и это утверждение не является бесспорным: так, в сознании большинства носителей русского языка растения (в особенности деревья) относятся к живым объектам, однако этот факт не находит отражения в русской грамматике, поскольку винительный падеж слов, обозначающих деревья, оформляется по неодушевленному типу.

Как показало исследование М. В. Русаковой [Русакова, 2013, с. 260 слл.], выполненное при помощи Национального корпуса русского языка, одушевленные существительные, используемые для

наименования неживых объектов, и неодушевленные, употребляемые для живых, вовсе не ограничиваются двумя-тремя единичными случаями, а представляют собой открытые классы, в которые могут входить и старые, и новые лексемы.

Еще менее последовательна корреляция одушевленности с распределением существительных по родам.

Если исходить из широко распространенной в лингвистике гипотезы естественного происхождения рода и считать эту категорию не просто согласовательной, но и семантически наполненной, то одушевленные (живые) референты должны были бы обозначаться именами мужского и женского рода, а неодушевленные (неживые) — именами среднего рода (при его наличии в языке). На деле языки с развитыми родовыми системами странным образом не пользуются или в недостаточной степени пользуются заложенными в них возможностями, и часто неодушевленные предметы, подобно живым существам, получают имена мужского или женского рода, а одушевленные — наоборот, среднего. Так, принадлежит к среднему роду *животное* в русском языке, *das Tier* — в немецком, *animal* — в латыни, τὸ ζῷον — в греческом, а это противоречит и природе живых существ, и — зачастую — этимологии их наименований. Такую же непоследовательность обнаруживают лексемы *существо* (в значении ‘живое существо’, а не ‘сущность’) и *лицо* (в смысле ‘личность’, хотя здесь очевидна метонимия с сохранением рода). Примеры легко можно умножить: у кого не вызывал удивление средний род существительных *дутья* в русском, τὸ τέκνον, τὸ παῖδιον в греческом, *das Mädchen*, а тем более *das Weib* в немецком?

Несмотря на кажущуюся нелогичность этих явлений, трудно представить, чтобы они имели случайный характер: на самом деле, в каждом конкретном случае они могут объясняться необходимостью выражения неких характеристик, которые для языка, как знаковой системы, являются более значимыми, чем строгая корреляция по одушевленности и роду у референта и его имени. Для одних имен (*животное*, *существо*, даже *женщина* в значении ‘категория людей женского пола’) таким более значимым фактором является семантика обобщения, категоризации, которая в максимальной сте-

пени свойственна именно среднему роду. Для других имен, обозначающих маленьких детей или детенышей животных, более важной оказывается нейтрализация оппозиции по полу для существ, еще не достигших репродуктивного возраста, начиная с которого эта оппозиция только и бывает значимой [Luraghi, 2011, p. 445].

Важнейшей характеристикой категории одушевленности, выявленной М. Сильверстейном [Silverstein, 1976] и детально разработанной в трудах других лингвистов-типологов [Croft, 1990; Yamamoto, 1999], является ее градуальность и иерархичность, причем вектор «убывания» степени одушевленности «люди — животные — вещи» оказывается единым для всех языков, но более дробное деление внутри самих классов, составляющих эту иерархию, весьма индивидуально для разных языковых семей и даже отдельных языков. Проблемные точки, в которых одушевленность «заканчивается» и «начинается» неодушевленность, также могут находиться на различных уровнях этой иерархии в каждом конкретном языке. Так, если в русском не только млекопитающие, птицы, но и рыбы, рептилии и насекомые являются одушевленными, то в английском существительные, обозначающие все эти виды животных, ведут себя как неодушевленные, т. е. замещаются анафорическим местоимением *it* (кроме домашних питомцев, в отношении которых используются, как правило, местоимения *he* и *she*), а в австралийском языке ритарнгу (Ritharngu) животные, занимающие в сознании его носителей более высокое положение (собаки, кенгуру), в грамматическом отношении ведут себя как люди, в то время как рыбы и насекомые — как вещи [Swart, Lamers, Lestrade, 2008, p. 135]. Отсутствие прямой зависимости между биологической и грамматической одушевленностью иногда принимает паразитические формы. Например, в алгонкинских языках (Северная Америка), где система родов имеет четкое деление на «одушевленный / неодушевленный», принадлежность к тому или иному родовому классу зависит от чего-то большего, нежели просто биологическая одушевленность, и иногда основывается на чистой идиосинкразии: так, в языке фокс существительное «малина» принадлежит одушевленному классу, а «клубника» — неодушевленному [Swart, Lamers, Lestrade, 2008, p. 135]!

Одушевленность является, на наш взгляд, одной из самых ярких манифестаций антропоцентричности грамматики — ведь на вершине иерархии одушевленности находится человек. Именно антропоцентричностью, а точнее даже эгоцентричностью, обусловлен один из важнейших факторов, влияющих на «степень одушевленности» референта, а именно эмпатия, или идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, под воздействием которой говорящий выстраивает собственную — эгоцентричную — иерархию одушевленности (empathy hierarchy):

говорящий — слушающий — человек — животное —
физический объект — абстрактное понятие [Yamamoto, 1999, p. 25].

Элементы такой «эмпатической» иерархии ранжируются по их потенциальной способности вызывать интерес или симпатию говорящего, поэтому у каждого говорящего может быть своя индивидуальная иерархия. М. Ямамото, с остроумием, украшающим многие страницы его монографии «Одушевленность и референциальность», предлагает гипотетическую иерархию для человека, который безумно любит кошек и недолюбливает людей:

говорящий — слушающий — кошки — другие люди, любящие кошек — другие животные — люди, ненавидящие кошек, — физические объекты — абстрактные понятия [Yamamoto, 1999, p. 27].

М. Ямамото сделал еще одно интересное наблюдение: степень одушевленности референта может зависеть от единственного или множественного числа, причем множественное имеет тенденцию ослаблять одушевленность, обезличивая и размывая идентичность референта [Yamamoto, 1999, p. 99]. Эту мысль на материале русского языка подтвердила М. В. Русакова [Русакова, 2013, с. 321–323].

Мы полагаем, что сказанного достаточно для понимания того, насколько вариативной и чувствительной к различным языковым факторам является категория одушевленности. Теперь посмотрим, насколько латинский язык подвержен общим тенденциям и в чем проявляется его специфичность.

Мы проанализировали несколько групп существительных, в основном находящихся на периферии категории одушевленности. С каждым из них проводилась процедура проверки на одушевленность, т. е. на возможность употребления в функции Abl. auct. во всем корпусе латинских текстов, представленном электронной базой РНИ-5. Каждое выбранное нами существительное вносилось в поисковую строку в форме аблатива с предлогом *a / ab* сначала в единственном, а потом во множественном числе, затем все полученные результаты обрабатывались «вручную», т. е. отсеивались контексты, в которых эта форма оказывалась в функции Abl. *separationis*³, непригодной для наших целей, и анализировались только случаи чистого Abl. auct. Мы осознаем несовершенство данного метода, как и любого другого, основанного на статистике, но, с учетом того, что данное исследование может быть квалифицировано как корпусное или приближающееся к таковому, мы надеемся, что погрешности будут сведены к минимуму. В любом случае, иного способа диагностики одушевленности в латыни мы не знаем.

Полученные данные сведены нами в пять таблиц. В каждой таблице представлено общее количество употреблений слова в аблативе с предлогом *a / ab* (в единственном и множественном числе) и количество предоставленных базой случаев Abl. auct. (в единственном и множественном числе). Сведения об общем количестве слов в аблативе с предлогом *a / ab* дают представление о его употребительности в языке, а в сопоставлении с данными об Abl. auct. показывают, насколько часто слово проявляет одушевленность (в некоторых случаях, скорее, агентивность, которая заключается в способности денотата к осознанным, контролируемым действиям, имеющим некую цель. Шкалы одушевленности и агентивности часто накладываются друг на друга). Для наглядности

³ Следует отметить, что если Abl. *separationis* представляет собой название лица, то при нем тоже ставится предлог *a / ab* (см.: [Соболевский, 1998, с. 144]), но, к сожалению, для диагностики одушевленности он не может использоваться, поскольку названия вещей в этой функции также часто сопровождаются предлогами, в том числе *a / ab* (е. г., «*Hamilcar hostes a muris Carthaginis removit*», *Нер.* 22, 2, 4). Не пригоден для этих целей и *Dativus auct.* ввиду отсутствия формальных показателей.

столбцы со статистикой употреблений в Abl. auct. выделены темной заливкой, а строки, отведенные неодушевленным именам, — светлой. Наиболее интересные данные всех таблиц выделены полужирным шрифтом.

Таблица 1 содержит сведения о существительных, обозначающих людей (мужчина, женщина, муж, жена, дитя) и представляющих во всех языках ядро категории одушевленности, а также о двух периферийных — *мертвец* и *труп*.

Таблица 2 включает существительные, обозначающие разного рода коллективы, группы людей, сообщества.

Таблица 3 посвящена отдельным представителям животного мира — диким и домашним зверям, птицам, насекомым, рептилиям и рыбам.

В таблицу 4 вошли стихии, природные явления, т. е. имена, в силу их влияния на человеческую жизнь имеющие тенденцию к персонификации.

Наконец, таблица 5 представляет существительные, обозначающие абстрактные понятия.

Выбор слов для всех пяти таблиц основан на индивидуальном лексиконе автора статьи, отнюдь не является исчерпывающим и легко может быть дополнен. Тем не менее он представляется вполне достаточным для исследования основных проблемных точек периферии категории одушевленности.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что существительные, занимающие обычно самую высокую позицию в именной иерархии одушевленности и обладающие к тому же высочайшей степенью индивидуализации, а именно люди и термины родства, в единственном числе употребляются и проявляют одушевленность чаще, чем во множественном: слово *maritus* в интересующей нас функции 28 раз зафиксировано в единственном числе и ни разу не встретилось во множественном, *uxor* — встречается в соотношении 28 Sg. : 1 Pl., *mulier* — 32 Sg. : 3 Pl. Несколько менее контрастно это соотношение у слова *vir* (27 : 16).

Слабо проявляет одушевленность (агентивность) существительное *infans*, вероятно, потому что оно обозначает маленького ребенка (обычно не старше 7 лет), не способного к самостоятель-

Обозначения людей

Латинское слово	Перевод	Род	Sg.		Pl.	
			Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.	Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.
<i>vir</i>	мужчина	m	78	27	31	16
<i>mulier</i>	женщина	f	147	32	8	3
<i>maritus</i>	муж	m	62	28	1	0
<i>uxor</i>	жена	f	43	28	4	1
<i>femina</i>	женщина	f	11	6	12	8
<i>infans</i>	ребенок	m, f	3	0	3	2
<i>mortuus</i>	мертвец	m	8	4	44	0
<i>cadaver</i>	труп	n	2	0	1	0

ным волитивным действиям. На самом деле, большинство его употреблений в форме *a/ab* + Abl. вообще служит для обозначения возраста (*ab infante* (3 случая), *ab infantibus* (1 случай) — ‘с младенчества, с детства’), а два встретившихся в базе примера с Abl. auct. во множественном числе использованы одним и тем же автором (Sen. Dial. 4, 11, 2; 4, 11, 6) во фразах, где и пассивный залог, и множественное число деятеля (а точнее, экспериенцера) служат для типизации, т. е. устранения семантики конкретного, индивидуального:

«Sic ira per se deformis est et minime metuenda, at timetur a pluribus sicut deformis persona ab infantibus» (Sen. Dial. 4, 11, 2, «Так, гнев сам по себе безобразен и менее всего заслуживает страха, а большинство людей его боятся, как малые дети — уродливого лица»).

Нам кажется любопытным, что в латыни, как и в русском языке, слово *мертвец* (*mortuus*) является одушевленным, в то время

как *труп* (*cadaver*) признаков одушевленности не обнаруживает. Интересно, что в языке суахили (семья нигер-конго) соответствующие имена ведут себя аналогично: *mfu* ('мертвец') входит в первый класс, включающий имена с семантикой личности (класс людей), а *maiti* ('труп') — в девятый класс, не обладающий подобной семантикой [Громова, Мячина, Петренко, 2012, с. 313, 348]. Такое совпадение, вероятно, является отражением сходных когнитивных процессов, происходящих в сознании носителей языков, принадлежащих разным семьям.

Таблица 2 содержит сведения о «коллективных» именах, обозначающих нерасчлененные группы живых существ (народ, племя, государство, толпа, войско и др.), которые обычно занимают пограничную позицию между одушевленными и неодушевленными [Yamamoto, 1999, p. 138 ff]. Русский язык настойчиво относит их к разряду неодушевленных (несмотря на то, что любой коллектив или сообщество состоит из людей или, по крайней мере, из живых существ, например стадо). Это доказано, в частности, корпусным исследованием, проведенным М. В. Русаковой [Русакова, 2013, с. 233 сл.]. В латыни дело обстоит принципиально иначе: из 21 выбранного нами имени всего 6 ведут себя как неодушевленные. Остальные проявляют большую или меньшую степень одушевленности. Попытаемся понять, какие факторы на нее влияют.

Легко заметить, что два имени и по частотности употребления, и по числу форм, с помощью которых мы диагностируем одушевленность, опережают все другие: это *senatus* 'сенат' (291 *a/ab* + Abl. : 206 Abl. auct.) и *populus* 'народ' (235 *a/ab* + Abl. : 154 Abl. auct.), т. е. названия двух сообществ, или политических сил, объединенных формулой *senatus populusque Romanus*, от имени которых в республиканском Риме принимались законы и постановления. Очевидно, что высокая степень одушевленности этих имен связана с высоким статусом их референтов в сознании носителей языка. В подавляющем большинстве примеров, статистика которых собрана в таблице 2, речь идет именно о римском сенате и народе, т. е. об объектах конкретных, определенных и уникальных, чем и объясняется полное отсутствие форм множественного числа Abl. auct. у существительного *senatus* и всего 2 случая такого упо-

Обозначения сообществ

Латинское слово	Перевод	Род	Sg.		Pl.	
			Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.	Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.
populus	народ	m	235	154	6	2
vulgus	простонародье	n	11	5	0	0
plebs	чернь	f	35	19	0	0
gens	род, племя	f	15	4	8	6
genus (suus)	род, вид	n	2	2	0	0
civitas	община, государство	f	30	9	32	7
natio	племя, нация	f	0	0	1	0
nobilitas	знать	f	5	4	0	0
senatus	сенат	m	291	206	0	0
collegium	коллегия	n	4	4	1	0
turba	толпа	f	9	1	2	2
grex	толпа, стадо	f	5	0	0	0
familia	семья	f	29	24	1	0
multitudo	множество	f	45	34	0	0
coriae	войско	pl. t.	—	—	0	0
exercitus	обученное войско, армия	m	83	46	6	2
legio	легион	f	10	3	9	9
cohors	когорта	f	2	0	3	2
manipulus	манипул	m	0	0	0	0
centuria	центурия	f	0	0	0	0
acies	строй	f	5	0	0	0
agmen	войско на марше	n	143	3	0	0

требления существительного *populus*: естественно, что в этих двух случаях говорится об абстрактных или каких-то иных народах, не обладающих таким высоким статусом в «эмпатической» иерархии римлянина, например:

«Id enim a Platone philosophiaque didiceram, naturales esse quasdam conversiones rerum publicarum, ut eae tum a principibus tenerentur, tum a *populis*, aliquando a singulis» (Cic. De divin. 2, 6, «Этому ведь я научился у Платона и философии, что естественными являются разные перевороты в государствах, так что они управляются то знатью, то народами, а иногда и отдельными (лицами)»).

Из других «коллективных» существительных относительно высокой одушевленностью обладают *familia* (24 случая Abl. auct. из 29 *a/ab* + Abl.), *plebs* (19 из 35), *civitas* (9 из 30) и *multitudo* (34 из 45). В соответствии с уже упомянутой тенденцией, все они либо вовсе не проявляют, либо ослабляют одушевленность во множественном числе (см. таблицу 2).

На примере существительного *multitudo* подтверждается наша гипотеза о том, что категория одушевленности в латыни является динамической: наряду с многочисленными одушевленными контекстами встречаются неодушевленные употребления этого слова, причем иногда у одного и того же автора⁴, как в приведенных ниже примерах из Цезаря: в обоих случаях существительные, зависящие от *multitudo*, являются одушевленными, но в одном примере *multitudo* стоит в Abl. auct., а в другом — в Abl. instrumenti:

- (1) «...ne a *multitudine* equitum dextrum cornu circumveniretur» (Caes. B.C. 3, 89, 4, «...чтобы правый фланг не был окружен множеством всадников»);
- (2) «L. Petrosidius aquilifer, cum magna *multitudine* hostium premeretur, aquilam intra vallum proiecit...» (Caes. B.G. 5, 37, 5, «Знаменосец Л. Петросидий, хотя и теснимый великим множеством врагов, бросил знамя вглубь вала...»).

⁴ Мы благодарим О. В. Бударягину за высказанные по этому поводу ценные замечания и примеры.

Вероятно, и другие существительные могут демонстрировать подобную амбивалентность, но в пределах данной статьи мы ограничимся только этим примером.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, и различие в проявлении одушевленности у имен со схожей семантикой: ср. одушевленные *gens* и *genus* (встречается в Abl. auct., правда, только с определением *suus* («свой род»), повышающим его референциальность и индивидуальность⁵) и неодушевленное *natio*.

В латинском языке существует много слов, обозначающих войско и его подразделения (таблица 2). Оказалось, что их семантические и контекстуальные различия сопровождаются существенными расхождениями по одушевленности (агентивности). Наибольший контраст являет собой пара *copiae* — *exercitus*: слово, обозначающее войсковой контингент, обезличенную массу (*copiae*), оканчивается в латыни неодушевленным, тогда как обученное, подготовленное войско, армия (*exercitus*) демонстрирует высокую степень одушевленности (46 примеров). Вероятно, и в этом случае на исследуемый нами признак влияет статус денотата или его функциональная значимость.

Из других имен, обозначающих войсковые подразделения, *legio*, *cohors* и *agmen* являются одушевленными, в то время как *manipulus*, *centuria* и *acies* — неодушевленными. Любопытно, что легион и когорта, вопреки имеющейся в различных языках тенденции, проявляют больше одушевленности во множественном числе, чем в единственном.

«Коллективные» имена показывают, в каких нетривиальных отношениях находятся категории рода и одушевленности: заметим, что из 6 неодушевленных существительных в таблице 2 ни одно не принадлежит к среднему роду, и в то же время средний род не препятствует одушевленности имен *collegium*, *vulgus*, *genus* и *ag-*

⁵ О взаимодействии шкал одушевленности и индивидуализации см.: [Yamamoto, 1999, p. 29]. Пример на одушевленность *genus* (*suus*): «Quin et adsumitur (sc. соccyx) ab accipitre, si quando una apparuere, sola omnium avis a suo genere interempta» (Plin. N. H. 10, 25, «И даже поедается ястребом (подразумевается кукушка), если вдруг они оказываются вместе, — единственная из всех птиц, уничтожаемая своим (собственным) родом»).

men. Это последнее — слово среднего рода, обозначающее войско в движении, на марше, — особенно в сопоставлении с *acies* ('выстроенное войско, строй, готовый к бою' (слово женского рода)) — показывает, насколько способность к движению, действию важнее для реализации категории одушевленности, чем идея рода.

От «коллективных» имен перейдем к животным, которые по самой своей сути, казалось бы, должны мыслиться как живые и, следовательно, одушевленные. Именно такими — последовательно одушевленными — они представляются носителям русского языка, за исключением некоторых периферийных случаев, о которых шла речь в начале статьи (микроб, кальмар и т. п.).

Если мы обратимся к данным таблицы 3, окажется, что латинский язык демонстрирует большую антропоцентричность, чем русский, и животные наделяются тем большей одушевленностью, чем ближе они к миру людей (*canis*, *equus*, *bos*) и чем сильнее вызываемые ими эмоции (*bestia*, *serpens*). По этой причине, вероятно, рыбам, кальмарам, ракам и даже дельфинам, т. е. всем обитателям подводных глубин, далее всего отстоящим от мира людей, латынь вообще отказывает в одушевленности. Следует отметить, что М. В. Русакова, проверившая на «степень одушевленности» большой массив русских слов, обозначающих разные живые существа, пришла к аналогичным выводам: рыбы оказались наименее одушевленными. Зато дельфин получил очень высокую позицию в исследованной ею иерархии живых существ, заняв строку между женщиной и девочкой [Русакова, 2013, с. 318 сл.]. Вероятно, такая большая разница в отношении к дельфинам у носителей латинского и русского языков основана на изменившихся научных представлениях об этом виде: мы уже давно знаем, что дельфины не рыбы, а млекопитающие, обладающие к тому же высоким интеллектом.

Таблица 3 содержит неожиданные сведения о соотношении одушевленности и числа. Видовые понятия *животное* (*animal*) и *птица* (*avis*) проявляют одушевленность исключительно во множественном числе, в то время как отдельные представители этих видов (*equus*, *bos*, *aquila*, *accipiter*) в основном сохраняют верность общей тенденции ослабления одушевленности во множественном числе. Мы полагаем, что объяснением может служить семантика

Обозначения животных

Латинское слово	Перевод	Род	Sg.		Pl.	
			Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.	Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.
animal	животное	n	0	0	18	11
bestia	зверь	f	11	11	10	5
canis	собака	c	9	8	12	11
equus	конь	m	17	3	8	3
bos	бык	c	6	2	5	2
avis	птица	f	6	0	10	5
aquila	орел	f	4	4	0	0
accipiter	ястреб	m	2	2	0	0
serpens	змея	c	14	12	10	6
crocodilus	крокодил	m	1	0	2	2
rana	лягушка	f	0	0	1	1
musca	муха	f	0	0	6	4
formica	муравей	f	0	0	4	4
piscis	рыба	m	1	0	5	0
delphis	дельфин	m	0	0	0	0
delphinus	дельфин	m	1	0	0	0
octopeda	кальмар, осьминог	m	0	0	0	0
cancer	рак	m	3	0	0	0

обобщения, заложенная именно во множественном числе, в которой и нуждается язык для референции к таким видовым понятиям, как «животные» и «птицы»:

«Considera tu itaque an id bonum vocandum sit, quo deus ab homine, <homo *ab animalibus*> vincitur» (Senec. Epist. mor. ad. Luc. 74, 16, «Рас-

суди же и ты, может ли быть названо благом то, в чем бог превосходится человеком, а человек — животными»;

«Tradunt hoc suco tactis radicibus vitium non attingi uvas *ab avibus*» (Plin. N. H. 20, 4, 2, «Передают, что если этим соком смазать корни лоз, птицы не притрагиваются к винограду»).

По этой же причине имена, обозначающие рептилий, земноводных и насекомых — *крокодил (crocodilus)*, *лягушка (rana)*, *муха (musca)* и *муравей (formica)*, — проявляют одушевленность только во множественном числе: во всех предоставленных базой примерах речь идет о видовых, а не индивидуальных характеристиках этих живых существ.

«...*ab avibus aut formicis* sata non infestari...» (Columel. De re rustica 2, 8, 5, «...птицами или муравьями не наносится вред посевам...»).

В этом примере муравьи названы вместе с птицами как представители разных видов.

Латинские названия деревьев являются неодушевленными, как и в русском языке.

Что касается названий стихий и природных явлений (*солнце, луна, ветер, огонь* и др., см. таблицу 4), в русском языке они относятся к неодушевленным, а в латыни — по большей части к одушевленным: так, *sol* ‘солнце’, *luna* ‘луна’, *ventus* ‘ветер’, *tempestas* ‘непогода’, *procella* ‘буря’, *ignis* ‘огонь’, *flumen* ‘река’ проявляют одушевленность, а *mare* ‘море’ и *stella, astrum* ‘звезды’ — нет. Нам представляется, что определяющей в этой дихотомии является идея движения: в самом деле, из перечисленных выше одушевленных имен наибольшей степенью этого признака обладает ветер (5 случаев в единственном и во множественном числе), как самый стремительный, довольно высокой степенью характеризуется постоянно движущееся по небу солнце (8 примеров), меньшую одушевленность демонстрируют луна (1), огонь (2 Sg. + 1 Pl.), река (2) и буря (1) с непогодой (1), зато мыслятся неодушевленными неподвижные звезды, планеты (несмотря на то, что древние отличали их от звезд), а также море, как статичная, в отличие от текущей реки, масса воды. Мы можем себе представить и дви-

Обозначения природных явлений

Латинское слово	Перевод	Род	Sg.		Pl.	
			Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.	Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.
sol	солнце	m	80	8	0	0
luna	луна	f	9	1	0	0
mare	море	n	147	0	0	0
tempestatas	непогода, буря	f	9	0	6	1
procella	буря	f	1	1	1	0
ventus	ветер	m	17	5	15	5
ignis	огонь	m	18	2	9	1
stella	звезда	f	1	0	1	0
astrum	звезда, светило	n	3	0	15	0
planeta	планета	f	0	0	0	0
flumen	река	n	42	2	2	0

жущееся, даже бушующее море, но в этом случае латинский язык обозначает подобное явление другими — одушевленными — словами *tempestatas*, *procella*:

«(lateres) ... cum non patiantur penetrare in corpus umidam potestatem, a *tempestatibus* non dissolvuntur» (Vitruv. De architect. 2, 3, 4, «(кирпичи) ... поскольку не допускают, чтобы влага проникала вовнутрь, не разрушаются непогодой»).

Множественное число указанных в таблице 4 одушевленных имен встречается крайне редко, за исключением *ventus* 'ветер'.

Последняя группа слов, содержащаяся в таблице 5, — это абстрактные понятия, логикой русского языка неизменно относимые к неодушевленным. И здесь латынь проявляет совершенно иную

Обозначения абстрактных понятий

Латинское слово	Перевод	Род	Sg.		Pl.	
			Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.	Всего с пред-пред-логом <i>a/ab</i>	В Abl. auct.
respublica	республика, государство	f	74	16	0	0
patria	родина	f	29	10	3	0
natura	природа	f	150	50	0	0
doctrina	учение	f	7	3	0	0
spes	надежда	f	16	3	0	0
morbus	болезнь	m	7	1	3	0
fides	вера	f	13	0	0	0
amor	любовь	m	6	0	0	0
mors	смерть	f	7	0	0	0
monstrum	чудо, чудовище	n	1	0	0	0

тенденцию, наделяя одушевленностью многие из них. Очевидно, что высокой степенью одушевленности обладают *respublica* ‘государство’ (16 случаев из 74), *patria* ‘родина’ (10 из 29) и *natura* ‘природа’ (50 из 150), что объясняется высоким статусом первых двух понятий — государство и родина — и сильной зависимостью человека от третьего — природы. Из троицы «вера, надежда, любовь» только *spes* ‘надежда’ оказалась одушевленной, а с ней также *doctrina* ‘учение’ и *morbus* ‘болезнь’. А вот *mors* ‘смерть’ и *monstrum* ‘чудо, чудовище’ в класс одушевленных не попадают.

Таблица 5 отчетливо показывает, что одушевленность этой группы слов никогда не проявляется во множественном числе, да и самих употреблений множественного числа этих существительных, в силу абстрактности их значений, крайне мало.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что латинский язык гораздо «одушевленное» русского, поскольку в эту категорию он включает более разнообразные лексические блоки («коллективные», абстрактные имена, обозначения стихий и природных явлений и др.).

В ряде случаев это связано с большей антропоцентричностью латыни по сравнению с русским: так, животные наделяются тем большей одушевленностью, чем ближе они к миру людей, для коллективных существительных и некоторых абстрактных понятий релевантными оказываются их статус и функциональная значимость для человека.

Рассмотренные примеры показывают, что одушевленность — категория динамическая (одно и то же слово может вести себя и как одушевленное, и как неодушевленное) и градуальная (различные лексемы демонстрируют неодинаковую «степень одушевленности»). Последний признак может быть обусловлен, помимо уже упомянутых факторов, такой важной характеристикой, как способность к движению: именно она делает одушевленными многие природные явления и войско на марше (в отличие от статичного строя). Мы полагаем, что в этом проявляется рудимент первоначального деления имен на активный и инактивный классы, которые реконструируются для праиндоевропейского языка [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 271–275]: впоследствии эти классы преобразовались в индоевропейских языках в «одушевленные / неодушевленные», но рудименты этого базового деления, тем не менее, могли сохраняться.

Особенностью латыни является и то, что одушевленность вступает в более свободные, чем в других языках, отношения со средним родом и множественным числом, используя заложенную в их грамматиках способность к категоризации и обобщению. Мы заметили, что одушевленные существительные среднего рода встречаются почти во всех проанализированных лексических блоках, и их количество существенно больше, чем в русском языке.

В целом, нестандартные проявления категории одушевленности являются результатом конкуренции различных параметров, формирующих язык, а именно грамматики, семантики и логики: в каж-

дом конкретном случае «отклонения» могут объясняться необходимостью выражения неких характеристик, которые для языка, как знаковой системы, являются более важными, чем строгая корреляция по фактической и грамматической одушевленности или по одушевленности и роду. Такой подход позволяет объяснить, почему в латыни «солнце» одушевленное «луны», а «река» одушевленное «рака».

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. А.* Одушевленности — неодушевленности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Громова Н. В., Мячина Е. Н., Петренко Н. Т.* Суахили-русский словарь. М. : ИД «Ключ-С», 2012.
- Желтова Е. В.* Актантная структура латинского глагола : конкуренция парадигматических измерений // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. XVII. СПб. : Наука, 2013. С. 300–311.
- Русакова М. В.* Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2013.
- Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка : Теоретическая часть : Морфология и синтаксис. 3-е изд. СПб. : Алетейя, 1998.
- Croft U.* Typology and Universals. S. 1. : Cambridge University Press, 1990.
- Luraghi S.* The origin of the Proto-Indo-European gender system : Typological considerations // *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45/2. P. 435–464.
- Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian languages*. Canberra, 1976. P. 112–171.
- Swart P. de, Lamers M., Lestrade S.* Animacy, argument structure, and argument encoding // *Lingua*. 2008. Vol. 118. P. 131–140.
- Yamamoto M.* Animacy and Reference : A Cognitive Approach to Corpus Linguistics. Amsterdam, Phil. : John Benjamins Publishing Company, 1999.

REFERENCES

- Vinogradov V.A. Odushevlennosti — neodushevlennosti kategoriya [Category of animation and of inanimation]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. M., 1990.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach.Vs. *Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeytsy* [Indo-European language and Indo-Europeans]. T. 1. Tbilisi, Tbilisskiy un-t Publ., 1984.

- Gromova N.V., Myachina E.N., Petrenko N.T. *Suakhili-russkiy slovar'* [Swahili-Russian dictionary]. Moscow, ID "Klyuch-S" Publ., 2012.
- Zheltova E.V. Aktantnaya struktura latinskogo glagola: konkurenciya paradigmaticeskikh izmereniy [Argument structure of the verb in Latin: competition of paradigmatic dimensions]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. Vol. XVII. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013. S. 300–311.
- Rusakova M.V. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [The anthropocentric elements of Russian grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013.
- Sobolevskiy S.I. *Grammatika latinskogo yazyka: Teoreticheskaya chast': Morfologiya i sintaksis* [Grammar of the Latin language: The theoretical part: morphology and syntax]. 3rd ed. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 1998.
- Croft U. *Typology and Universals*. S. l.: Cambridge University Press, 1990.
- Luraghi S. The origin of the Proto-Indo-European gender system: Typological considerations. *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45/2. Pp. 435–464.
- Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian languages*. Canberra, 1976. Pp. 112–171.
- Swart P. de, Lamers M., Lestrade S. Animacy, argument structure, and argument encoding. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 131–140.
- Yamamoto M. *Animacy and Reference: A Cognitive Approach to Corpus Linguistics*. Amsterdam (Phil.), John Benjamins Publishing Company, 1999.

Желтова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: elena.zheltova@mail.ru
e.zheltova@spbu.ru